

новой не рассматривается, но смысл, придаваемый ему автором, можно реконструировать, опираясь на богатый материал исследуемых в работе различных вариантов незавершённости (незавершаемости) произведений. Это понятие предстаёт в рецензируемой диссертации очень широким. Наталья Николаевна при развёртывании своей исследовательской задачи проводит ряд противопоставлений:

завершённость ----- фрагментарность
авторитет ----- авторство
монументальность --- атомарность
неизменность ----- изменчивость
безличный текст ----- личность
форма ----- самовыражение
традиция ----- разрыв
общее ----- индивидуальное
жанр ----- нарушение канона
овеществлённость ---- живой замысел

Левый ряд этих оппозиций как раз эксплицирует различные грани понятия завершённости.

Как считает автор, на эпоху Серебряного века влияло «вторжение внелитературных форм в литературу» (с. 49). Эти «внелитературные формы» были прежде всего связаны с познавательной (философской) установкой либо этической («жизнетворческой»). Конечно, как тому, так и другому совершенно чужда задача завершения.

Очень точно Н. Н. Смирнова описывает протест Л. Шестова против системности и против отвлечения мысли от обстоятельств своего появления. Думается, что этот протест вдохновлён С. Кьеркегором и его войной с Гегелем как «систематическим мыслителем». Близко такой установке бахтинское понятие «участного мышления», рождённое в ту самую эпоху, которая исследуется в диссертации.

При этом надо отметить, – и здесь мы переходим к дискуссии – что *систематичность мысли*, само понятие системы и *художественная целостность* – это очень различные феномены. Не случайно автор время от времени говорит о «незавершаемой мысли». Как раз мысль принципиально и не может быть завершённой. Её завершённость конвенциональна, временна и вытекает из исторически ограниченного решения локальной познавательной задачи (как точка в диссертации), но открыта иным, смежным, задачам, аспектам, ракурсам рассмотрения.

Таким образом, мы полагаем, что в предложенном исследовании напрасно не заостряются радикальные различия самих художественных и нехудожественных творческих установок. Последние и не могут притязать на завершённость: их законченность по существу всегда не точка, а многоточие. Поэтому разве может быть фрагментарность философского и художественного дискурса одной и той же природы? Очень верно автор диссертации пишет о жанре афоризма, где «формальная завершённость отдельного афористического высказывания вступает в противоречие с незавершённостью мысли» (с. 269). Однако то же самое можно сказать о *любом* жанре мысли, у которой какая бы то ни было завершённость носит условный и случайный характер.

Н. Н. Смирнова справедливо отмечает: «Внедрение поэтического мышления в философское чрезвычайно характерно для обозначенного здесь периода» (с. 257). Это так, хотя и в данный период поэтическое мышление не только «внедряется» в философское, но продолжает существовать также наряду, «по соседству» с ним. Поэтому если бы автор диссертации учитывала в горизонте намеченной проблематики наряду с «эстетизованными философами» (по выражению Бахтина) ещё и круг *художественных* источников, то в итоге получилась бы, по-видимому, более сложная картина эпохи. Неэстетические феномены ведь и не могут претендовать на завершённость. Проблема завершения – это именно *эстетическая* проблема. Поэтому такое явление, как незавершаемое произведение, трудно исчерпывающим образом

описать в обход эстетики. Автор, конечно, привлекает множество теоретико-эстетических источников, однако характерно отсутствие в их числе работ по эстетике М. М. Бахтина первой половины 20-х годов, в центре которых как раз находится понятие эстетического завершения.

В. В. Розанова и Л. Шестова Наталья Николаевна справедливо относит к «опыту уединённого сознания», нашедшему своё адекватное выражение «во фрагментарно-афористических формах» (с. 57–58). Принципиально важно то, что это именно не эстетический опыт, попросту невозможный в рамках «уединённого сознания», что как раз доказывают исследования Бахтина. То же самое можно сказать и по поводу описания позиции М. О. Гершензона. «Невозможность завершения», по Гершензону, как подчёркивает автор диссертации, заключается в том, что «всё воплощённое человек ощущает как ложь» (с. 189). Устремлённость по ту сторону наличного бытия делает невозможным завершённый образ жизни. Но как раз такая устремлённость совершенно внеэстетична.

Как сказано в начале второй главы, «в отдельные эпохи фрагментарные формы представления реальности оказываются в центре, а видение целого — на периферии сознания. Мысль стремится к завершению, но не достигает желаемого» (с. 72). Опять же, что такое «завершение мысли»? Разве оно возможно? Чуть дальше автор говорит о том, что имеется в виду целое «как система», что недостижимо для «фрагментарности мысли Льва Шестова (с. 73). Однако, повторимся, незавершаемость *философской системы* — это всё-таки другая проблема, нежели незавершаемость *литературного произведения*.

Наталья Николаевна, говоря об интересе Л. Шестова к творчеству Чехова, у которого философ усматривал установку на незавершённость, на ненужность «искусственных закруглений» (с. 89), пишет: «Здесь слово порывает со всякого рода условностями и становится образом, не нуждающимся в удостоверении посредством чего бы то ни было (как и истина, которую каждый знает про себя, когда ему не надо никому отвечать» (с. 89). Автор диссертации констатирует это, как бы сочувственно присоединяясь к Шестову.

Нельзя здесь не заметить, что если слово порвёт «со всякого рода условностями», оно не только перестанет быть словом, но и не сможет «стать образом»: если нет общей для всех носителей языка социальной конвенции – неоткуда взяться предмету («образу»). Кроме того, отбросить любые условности означает отбросить надежду и желание быть понятым, а если «не надо никому отвечать», то это ситуация смерти смысла («истины»). Другое дело, что сами конвенции языка исторически изменчивы: отказ от одних условностей означает всегда принятие условностей других.

В качестве мелкого недочёта можно отметить такую особенность изложения в диссертации, как переизбыток сносок (более шестисот), что весьма затрудняет чтение. Конечно, настроенность Натальи Николаевны на диалог и постоянная оглядка на научный и философский контекст вполне органичны для гуманитарного исследования. Однако автор будто постоянно сам себя перебивает, отчего нить рассуждений многократно прерывается, «фрагментируется», если использовать термин диссертации.

Попытки «увидеть целое в осколках», по мнению автора, – черта символизма, которую Наталья Николаевна небезосновательно считает наследием романтизма (с. 43). Сквозь призму проблематики диссертации автор по своему (и, на наш взгляд, удачно) объясняет роль символа в рассматриваемую эпоху (с. 51–52). Во-первых, символ как раз и представляет целое через отдельное, а во-вторых, ему присуща бесконечность смысловой перспективы, он как бы разрывает, раскрывает законченную картину мира.

Завершение воспринимается в это время как отчуждающее обезличивание. Это, конечно, тоже перекликается с романтической эпохой. Можно вспомнить характерное выражение Бахтина – «бесконечный герой романтизма» (1, 101). Автор диссертации весьма уместно упоминает «романтическую безграничность» (53–54).

Образ «мира иного» у Гершензона Наталья Николаевна совершенно справедливо полагает причиной невозможности «абсолютной завершённости произведения» (с. 172). Напрашивается опять же аналогия с романтическим

«двоемирием» и тенденцией романтизма к незавершённости образа существования и фрагментарным формам.

Все такого рода параллели подчёркивают теоретико-типологическое значение исследования Н. Н. Смирновой, относящегося не только к рассматриваемому историческому периоду Серебряного века.

Одно из глубоких и доказательно развёрнутых положений диссертации состоит в том, что эпохи глобальных исторических изменений требуют каких-то особых форм своего осмысления, способных уловить такую изменчивость: «незавершаемое произведение становится и новым стилем мышления, и образом творящегося мира» (с. 110). Выдвигаемая в диссертации теоретическая гипотеза, согласно которой незавершаемость произведения становится для исследуемой эпохи не чем-то случайным, а «конститутивной особенностью» (с. 23), вполне убедительно обосновывается в ходе работы.

Большую научную ценность и **теоретическую значимость** представляет осуществлённое в исследовании Н. Н. Смирновой основательное прояснение философско-эстетической ситуации конца XIX века в плоскости феномена незавершаемости произведения. Таким образом, обосновывается новый подход к произведению рубежа веков, отличительной особенностью которого становится незавершаемость.

Нельзя не отметить в качестве несомненного достоинства работы интерес её автора в свете намеченной проблематики к внелитературным, внеэстетическим феноменам, внимание к общекультурному контексту: литература развивается исторически, конечно, в тесной связи с религиозной, философской, политической жизнью.

Научные положения и выводы, приводимые в диссертации, являются обоснованными и достоверными. В своём исследовании Наталье Николаевне удалось убедительно показать, как переходный характер изучаемой эпохи препятствует целостному, устойчивому образу человека, культуры, истории. При этом расшатываются традиционные конвенциональные границы художественного, религиозного и философского мышления. Наблюдается

тенденция релятивизации любых общезначимостей и персонализации любых поисков истины, в связи с чем картина мира дробится на множество индивидуальных перспектив видения. Это, в свою очередь, размывает границы готовых общезначимых жанровых кодировок и фрагментирует тексты.

Интересны и теоретически плодотворны мысли Натальи Николаевны в третьей главе работы о «новом образе читателя». Становящийся интенционально неопределённым статус автора (эстетического субъекта, философа, религиозного мыслителя) находит корреляты в поисках новых функций или амплуа читателя. «Жизнетворческая» установка автора требует как бы новой, более высокой, степени вовлечённости, ответственности читателя, миссия которого размывает традиционные границы эстетической, интеллектуальной, морально-религиозной установок.

Нельзя не согласиться с тем, что в основе незавершаемого произведения так называемой «рубежной эпохи» лежит «утопическая картина мира». Замысел при этом принципиально перерастает любое своё осуществление: человек, творец как бы оказывается не в состоянии охватить потерявший свою устойчивость мир.

В рецензируемой диссертации внешняя композиционная фрагментарность, обрывочность продуктов творчества исследуемого времени убедительно объясняется как следствие «расщепления прежних представлений».

В заключение отметим следующее существенное обстоятельство. Наталья Николаевна совершенно права, считая, что традиционная в науке ориентация в основном на «законченные» продукты творчества и игнорирование всего этого подспудного и малоизученного материала создаёт относительно одностороннюю картину исторического развития литературы. Поэтому её исследование можно считать ценным вкладом в теорию литературы. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по теории и истории литературы, в курсах лекций и учебных пособиях для школ и вузов.

Основные идеи диссертации Н. Н. Смирновой апробированы в предшествующих научных публикациях её автора (в том числе в двух монографиях, 21 публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ и др.). Содержание автореферата соответствует результатам предпринятого исследования.

К оформлению работы замечаний нет.

Таким образом, диссертация Смирновой Натальи Николаевны «Незавершаемое произведение как теоретико-литературная проблема (на материале фрагментарно-эссеистической прозы в России конца XIX – первой четверти XX вв.)» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований **разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение**, что соответствует требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы, текстология.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета Фуксоном Леонидом Юделевичем. Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, протокол № 6 от «17» февраля 2022 года.

Директор института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, зав. кафедрой русского языка и литературы профессор _____ Ким Лидия Густовна

Профессор кафедры русского языка и литературы КемГУ доктор филологических наук, доцент _____ Фуксон Леонид Юделевич

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кемеровский государственный университет" (КемГУ)

Ведомственная принадлежность: Министерство науки и высшего образования РФ

Адрес организации: Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Телефон организации: + 7 (3842) 58-38-85

Веб-сайт организации: <https://kemsu.ru/>

Электронная почта организации: rector@kemsu.ru

Список основных публикаций

работников ведущей организации по теме диссертации
за последние пять лет по специальности
10.01.08 – Теория литературы, Текстология

Фуксон Л. Ю. Толкования (монография). Кемерово, 2018. 198 с.

Синегубова К. В. Литературно-критическая деятельность писателя как фактор формирования литературной репутации / К. В. Синегубова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2019. № 3. С. 32–42. DOI 10.26170/ufv19-03-03.

Фуксон Л. Ю. Слезная интерпретация жизни в рассказе Л. Н. Андреева «Жили-были» // Литературоман(н)ия. К 90-летию Ю. В. Манна. М., 2019. С. 538–541.

Налегач Н. В. Образы цветов в поэтическом мире И. Анненского // *Studia Literrarum*. 2017. Т. 2. № 2. С. 212–229.

Фуксон Л. Ю. К истолкованию повести «Нос» // Сибирский филологический журнал, 2019, № 1. С. 75–81.

Aksenova A. A. Dynamic types of artistic image: Roman Ingarden's phenomenology and literary theory / A. A. Aksenova // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2020. Vol. 25. № 3. P. 487–496. DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-3-487-496.

Фуксон Л. Ю. Художественный космос как предмет толкования // Сибирский филологический журнал, 2021, № 4. С. 49–55.

